

**КОНЦЕПТ «ЗАВЕТНАЯ ЗЕМЛЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПРОЗЫ КУРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Н. З. Коковина

*Курский государственный университет,
Курск, Россия, natzak@rambler.ru*

И. П. Михайлова

*Курский областной литературный музей,
Курск, Россия, mihailovairin@mail.ru*

Статья посвящена анализу концепта «заветная земля» в аксиосфере прозы курских писателей (Е. И. Носова, М. Н. Еськова). Анализируется смысловая и ценностная реализация концепта «заветная земля», его смыслообразующей и сюжетообразующей роли в прозе Е. И. Носова, М. Н. Еськова в контексте литературной традиции «деревенской прозы».

Ключевые слова: Е. И. Носов; М. Н. Есков; духовно-нравственные основы творчества; родная природа; малая родина; заветная земля.

**THE CONCEPT OF “CHERISHED LAND” IN THE ARTISTIC
SPACE OF KURSK WRITERS' PROSE:
AN AXIOLOGICAL ASPECT**

N. Z. Kokovina

*Kursk state University,
Kursk, Russia, natzak@rambler.ru*

I. P. Mikhailova

*Kursk Regional Literary Museum,
Kursk, Russia, mihailovairin@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of the concept of “cherished land” in the axiosphere of prose by Kursk writers (E. I. Nosov, M. N. Eskov). The semantic and value realization of the concept “cherished land”, its semantic and plot-forming role in the prose of E. I. Nosov, M. N. Eskov in the context of the literary tradition of “village prose” is analyzed.

Keywords: E. I. Nosov; M. N. Eskov; spiritual and moral foundations of creativity; native nature; small homeland; cherished land.

Пространство малой родины, «заветной земли» является одним из самых значимых топосов в произведениях писателей, продолжающих традиции «деревенской прозы», поскольку лишь оно сохраняет элементы национального космоса (отчий дом, родные просторы, церковь). Только на малой родине их герои могут вернуться к своим истокам, соединиться с природой, почувствовать течение старинного времени. Выходцы из крестьянской среды, эти писатели подчеркивают свою причастность народной жизни, глубокое знание народа, потребность и обязанность выразить его интересы. В их позиции чувствуется осознание самоценности крестьянского мировосприятия.

Концепт «заветная земля» входит в сложный комплекс представлений о мире и о месте в нем человека, об отношении человека к окружающей действительности и к самому себе и в творчестве Евгения Ивановича Носова.

Творчеству Е. И. Носова (1925–2002) свойственно глубокое постижение основ национального крестьянского характера, детальное отражение народной жизни и духовной культуры русской деревни. Обращение писателя к поэтическому народному мировидению во многом обусловлено биографическими причинами. Как известно, детская модель восприятия окружающей действительности является основой, на которой формируется личность человека. Родившись в небольшом селе близ города Курска, Е. И. Носов вобрал своим детским сознанием все разнообразные аспекты духовного опыта народа, сформированного под влиянием православной традиции, но не утратившего при этом древних языческих представлений. Народное поэтическое восприятие природы, животных и птиц, языческие легенды о домашних и природных духах в соединении с христианскими традициями стали впоследствии неотъемлемыми элементами художественного мира писателя. Герои Носова со своей «чудинкой», душевной открытостью, наделенные особым чувством укорененности, выражали некое мировидение, свойственное «людям земли» срединной России.

Ключевыми для понимания темы являются следующие слова писателя из рассказа «Краски родной земли»: «так вот устроена душа человеческая, что внутри общего для всех нас отечества у каждого есть еще и особый уголок, та заветная земля, где, как говорят, пупок ниткой вязан» [8, т. I, с. 21]. Земля заветная, заповеданная, потому что завещана нам, связывает нас с предками, встраивает нас с рождения в сообщество, связанное одним локусом, историей, преданиями. Образ пуповины, как и души, не случаен, потому что связь с заветной землей изначально, подсознательна, экзистенциальна. В повести «Усвятские шлемоносцы» дедушко Селиван говорит: «Свята та сторона, где пупок резан! А ить было время, сынки, когда воинство, на брань идучи, брало с собой пуповинки.

Как охранный, клятвенный знак» [8, т. IV, с. 68–69]. Потому и матери Касьяна, провожая его на войну, так важно было найти и отдать ему его «пуповинку».

В качестве примера Носов повествует о тетке Валентине, называя этот рассказ притчей, тем самым придавая ему глубинный, обобщающий смысл. Она через тридцать шесть лет ненадолго вернулась в родную деревню. И теперь «душа напополам разрывается». «Тут-то мне все роднее: вот и небушко — без хмари, и ветер наш, травный, покосный... Чуете: живой чебрец!», — не просто вспомнила — «запричетывала она». И увезет с собой жменьку землицы, потому что «по ней бегала босой да несмышленной. А теперь мама наша под ней лежит» [8, т. I, с. 21]. И уже расширяя этот смысл до общего скажет герой в «Усвятских шлемоносцах»: «А своя земля, ребята, и в горсти дорогá, а в щепоти родина» [8, т. IV, с. 141].

Таким образом, идентичность образа героя формируется через отношение к определенным сторонам культурного, идейно-философского, нравственно-психологического, социально-значимого содержания, связанного с полнотой действительной жизни конкретной личности человека. Жизненные ситуации, столкновения, встречи, события жизни героя выявляют его идентичность.

Зацепившись за фразу в произведении К. Воробьева «день тогда выдался прямо как наш курский: теплынь, солнышко...», Носов размышляет: «обратите внимание, сколько в ней сдержанной, невысказанной и неизбывной сыновней нежности и любви к породившей его земле, к той *икринке на синей речной веточке!*» (*здесь и далее курсив наш.* — Н. К., И. М.) [8, т. V, с. 58]. Еще один удивительный образ! Эти самые «чудесные взблестки», и формируют художественный мир писателя. Поэтому и у Воробьева, по словам Носова, «не только проглядывают отдельные слова нашего южного говора, но оказывается, что и сама образная система, сопутствующая действию полифония звуков, запахов, пейзажные фоны и фенологические приметы во многих его вещах тоже наши, лесостепные, южнорусские!» [8, т. V, с. 57].

Образ у Носова всегда красочен и эмоционален. «Про нас говорят: среднерусская полоса, — пишет он, — и в этом бесстрастном обозначении есть привкус какой-то безликой усредненности. Но вот закрываю глаза, и — трепетно обмирает сердце — вот она, родимая! Взгорья и ложбины, и опять холмы. Вверх — вниз, вниз — вверх... Будто дышит, словно это ее глубокие, натруженные вздохи» [8, т. I, с. 22].

«Я, житель соломенной и плетневой России», — позиционирует себя рассказчик, объясняя свое отношение к лесу. Это определяет глубинные ощущения героя. «Родившись на открытых холмах, я с детства ощущал себя в лесу лишь гостем, робким и присмирившим. <...> Это потом

закрепилось на всю жизнь, и я не смог бы поселиться в лесу добровольно, как живут, скажем, костромские молчаливые лесовики, довольствуясь всего только клочком неба над избушкой.

Мне же подавай небеса от края до края, всю их устоявшуюся погожую синь или всю уймищу облаков, <...> и убежден, что никакая душевная песня не сможет зародиться в лесу, в загороди, а только там, где „степь да степь кругом“ и „далеко, далеко степь за Волгу ушла“» [8, т. II, с. 87].

Из простора, горьковатого веяния трав и сияния солнца возникло успокаивающее чувство дома и родины. Это подтвердит и встреченная героями Дёжка: «Мне нравится. Кругом — воля. <...> А еще хорошо песни петь. Въедешь на горку, глядишь, глядишь вокруг — красота! Так бы и полетела... Ну, полететь не полетишь, а покричать охота. Песни сами находят». «Нет, все же есть, есть что-то песнотворное в этих открытых небу и ветру холмах!», — делает вывод писатель. Эта песенность, обусловленная свободой и простом еще одна деталь матрицы. Не случайно события разворачиваются в Винниково, где всех женщин зовут Надеждами, как когда-то и родившуюся здесь Плевицкую, образуя связь времен. И песни передала ей бабушка: «Это, говорит, чтоб ты меня помнила... А я, верно, я все ее песни помню, ни одной не забыла...» [8, т. II, с. 90]. Многочисленные бабушкины присказки, прибаутки, пословицы и поговорки в рассказах Носова это способ украсить быт, гармонизировать его, но и ввести в русло традиции.

В этом мире «родные места *пригожи*, травяные выгоны привольны и *мурависты*, в *поднебесье* парят птицы, звучат бабушкины *присказки*, *запевки*, и развеселые *матани*, на празднике можно поднять *чарку*, которая летит *соколом*, там радостно *приголубить* ребенка — свою *кровинушку*, там любимого называют *суженым*, и у каждого в году есть пора, которая особенно *люба*» [5, с. 54]. И Носов об этом в очерке «Дорога к дому»: «А говор ее, наш, черноземный, где каждое „г“ как будто обернуто бархотцей, звучит почти что откровением. И весь мчащийся поезд полон этого умягченного говора — наши едут, свои, куряне» [8, т. III, с. 524].

Песня, предание, история как генетическая память народа входят в сознание и память писателя не только в качестве художественного материала, подлежащего непосредственному творческому использованию, но и как сложный комплекс многообразных впечатлений, возбуждающих воображение художника, рождающих богатые жизненные ассоциации, помогающих воссоздать атмосферу крестьянского быта и бытия, определяет напевность, сказовость повествования. А потому и Стрелецкая степь в очерке «Земля заповеданная» воспринимается им «как старинный холст, как народный эпос» [8, т. III, с. 126].

Это ощущение своего места в природном космосе, мир особых отношений человека с природой. Гармония этих отношений построена на осознании родства, единства человека с окружающим миром, где река — «бегущая сквозь века, безразличная к человеческому бытию», а лес «вроде заветной горницы, куда не всякий раз отпускали будничные дела и заботы», куда «входили под его глухие своды с праздничной бодрей и почетом» [8, т. II, с. 306].

Писатель убежден: «Надобно только воистину загореться, захотеть одержимо в земной обыкновенности увидеть сокрытую красу и радость и уловить, подглядеть в простой невзрачной тверди как бы застенчивую, но всегда дивную, нежную улыбку матери-природы» [8, т. I, с. 20].

Образ земли неизменно ассоциируется у Носова с матерью, женщиной: «Мне почему-то видится она в облике среднерусской женщины, много поработавшей, народившей много сыновей и дочерей, с усталой, но доверчивой и доброй улыбкой. И на коленях у нее большие теплые руки» [8, т. I, с. 25]. А потому и «воссоздать облик этой не так уж и простой земли без сыновней чуткости и бережности» нелегко. «Мысли откровения и сыновьего родства», самосознание себя как сына определяют вектор отношений писателя с родной землей.

Как видим, образ земли является категорией духовной жизни и сводится к трем тематическим блокам: природа, история, этнос.

История, «долгая, древняя, уходящая в туманную глубь веков» выступает как генетический код повествования. «Нашу память и сердце всегда греет, ласкает тот народный подвиг, который совершали в древности да и в недавние времена наши предки-куряне, защищая родную землю» [8, т. III, с. 528]. Потому Стрелецкая степь сохраняет «следы копыт Игорева полков», а под крыльями степных орлов «проносятся столетия», и даже «ликующий клик» молодой лошади «отдает давней, запредельной Русью» [8, т. IV, с. 314]. Все это приобретает значение возвышенных символов, формирует топос, особым образом моделирующий художественное пространство текста.

Необходимо заметить, что в сознании героев Носова понятие малой родины тесно связано с понятием детства. На протяжении всей жизни, особенно в сложные, переломные моменты, они мысленно возвращаются в детские годы как к некой нравственной основе. Как отметил Ю. Л. Филиппов: «Ментальность, заложенная в детстве, сохраняясь в своих устойчивых характеристиках в течение всей последующей жизни, всякий раз приобретает новые качества за счет сопряжения с иными пространствами» [10, с. 2].

Есть у Е. И. Носова особый рассказ, который так и называется «Малая родина», где писатель рассуждает о том, что таит в себе это понятие:

«малая родина... Но что это такое? Где ее границы? Откуда и докуда она простирается? Как исчислить, измерить, обсказать?», — спрашивал писатель, и сам же отвечал на этот вопрос: «По-моему, малая родина — это окоем нашего детства. Увиденная, услышанная и восчувствованная перво-реальность. Та округа под чашей лазурного неба, которую способно объять мальчишеское око и вместить в себя чистая распахнутая душа, где эта душа впервые удивилась, обрадовалась и возликовала от охватившего счастья быть на земле» [8, т. I, с. 16]. Итогом размышлений автора звучат слова: «Малая родина — это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения» [8, т. I, с. 17]. А потому, «если хочешь чего достичь — иди и поклонись родной земле. Все остальное — от лукавого» [8, т. I, с. 20].

Как видим, и истоки творчества тоже здесь, в детстве.

О своем постоянстве обращения к теме «человек — земля» Е. И. Носов говорил в разных своих выступлениях. Так, на церемонии вручения ему Государственной премии РСФСР в 1967 году он подчеркнул: «И по-прежнему буду писать о деревне, поскольку тема „человек — земля“ самая любимая, самая волнующая для меня, являющаяся чутким исследовательским инструментом социальных и нравственных проблем» [8, т. I, с. 367]. Через несколько лет в интервью газете «Курская правда» в 1990 году Е. И. Носов как будто продолжает сказанное ранее: «Меня по-прежнему беспокоят проблемы нашей многострадальной деревни. Ведь земля — первооснова всякой государственности. Она рождает не только хлеб, но и человеческую совесть <...> От бережного совестливого отношения к земле зависит все остальное — всенародное благополучие, национальное самосознание, государственное могущество» [8, с. 3]. И потому так тревожит его разорение деревни. Так символичны его слова из письма Василию Белову: «видел свою родную хату, и в носу щипало от ее последних судорог устоять на этом свете. На заколоченном ржавым шманделком железа окне написано: „В етем доми ни кто неживает“» [8, т. V, с. 180].

Не хочется заканчивать разговор на такой грустной ноте, а потому вспомним эпизод из воспоминаний Михаила Николаевича Еськова, друга и ученика Носова, немного ироничный, но светлый и добрый: «Оказавшись у Евгения Ивановича, однажды я заметил на столе бинокль... <...>

— Это я Толмачево разглядывал. С балкона видно, — и он увлек меня на смотровую площадку...

— Ну, трубу нашел? Это в Клюкве. Теперь бери правее, — ориентировал меня Евгений Иванович. — Видишь что-нибудь? Там должно быть кладбище. А еще чуть-чуть правее — дедова хата.

Так и этак настраивал я бинокль, начинал от трубы, как можно медленнее уходил вправо, и на грани соприкосновения стены леса с полоской блеклого неба то ли на самом деле были, то ли помстились некоторые крошечные предметы, еле уловимые, размытые.

— Дай-ка, дай-ка мне, — Евгений Иванович решительно взял бинокль, приник к окулярам и, расплывшись в улыбке, протяжно, будто песню, сладко выдохнул: — Ну, де-е-дова же ха-а-та!

Мне подумалось, что он и без оптической подмоги способен видеть отсюда свою палестину» [4, с. 180].

Здесь приведен лишь один из многочисленных эпизодов общения с Носовым Михаила Еськова, считавшего, что «в прозу Евгения Носова приходишь, как в православный храм. Все в ней горней высоты, наполнено красотой земли и живших на ней людей» [4, с. 180].

Евгений Иванович, по словам Еськова, полагался на собственные правила: «Возьми лопату, копни землю, да не на огороде, там земля неестественная. А ты копни нетронутое земледелием: на лугу, в лесу. Сколько в той земле: и корни, и черви, норки всяких размеров, ржавое железо со следами человека. Возможно, и кости попадутся — там все вместе — и смерть, и жизнь. Тут и сочинять ничего не нужно — макай перо и пиши» [3, с. 170]. И в рассказе Еськова «На рыбачьей тропе», названном по одноименной книге Мастера, мы находим близкое Носову описание природы: «Земля весенняя, бражная, небо звенит от жаворонков; радуешься всякой зеленой травке, даже успевшим зажиреть в хищной силе листьям бурьяна обочь дороги. На лугу обособленными куртинами пасутся ранние гусиные выводки» [2, с. 154].

Большинство произведений Еськова связаны с «заветной землей»: тематически — с послевоенной жизнью в деревне, автобиографически — основаны на впечатлениях детства и юности. Как человек, родившийся и выросший в деревне, впитавший ее дух, «видевший землю в непосредственной близости, работающий на ней с самого детства, воспринимающий ее как кормилицу, как нечто живое и дорогое сердцу» [1, с. 97], он очень убедительно и образно фиксирует внимание на сущностных особенностях, «силе и мощи Царя почв, нашего русского чернозема» (В. В. Докучаев): «черная, черней не бывает, разбухшая земля лоснилась от сытости, пышным нутром бродя и впитывая вождеденный воздух» [2, с. 86].

Для героев Еськова земля не просто участок пространства, она, прежде всего начало начал, точка отсчета, где человек получает «моральный компас», чтобы потом «жить без остуды, в полную силу» [2, с. 48].

Автор не только свидетель, но и участник всего происходящего, поэтому он с болью и тревогой говорит о безвозвратно утраченных ценностях деревенского мира, о том, что сегодня разные причины, которые ведут к трансформации мировоззренческих взглядов, меняют отношение к земле-кормилице, прерывают связь между поколениями, создавая «разрыв житейской цепи»: «Это моя кровная земля, моя жизнь! И мои же дети, именно мои, относятся ко всему моему, как чужие пришельцы <...> Для

них — будто ничего на земле и не было, они лишь осчастливили ее своим приходом...» [2, с. 48].

Природный мир Курщины — островки степного седого ковыля, трели соловья, насчитывающие от 8 до 24 колен, семейство барсуков, «добродушных животных, которых грех обижать», бережно обустривающих свое жилище, — этот мир определяющий и для творчества И. Ф. Зиборова, его понимание «заветной земли», как бесценного дара, который необходимо защитить.

М. Н. Еськов отмечал, что Евгений Иванович «поставил на крыло не один десяток писателей». Он называет многих курских писателей, «зачисленных» в «школу» Носова: И. Лободин, В. Детков, Л. Конорев, А. Шитиков, Ф. Панов, Ю. Першин, И. Зиборов.

В настоящее время вслед за Е. И. Носовым достойные ученики его, представители современной прозы, продолжают создавать мифологию места, подчеркивая свою принадлежность к малой родине — «заветной земле», выражая интересы земляков, их чаяния и надежды. Художественное мастерство этих писателей, языковая манера, поэтика произведений стали объектом внимательного анализа и изучения исследователей, а ярко выраженные аксиологические ориентиры нашли отклик в сердцах любителей литературы.

Библиографические ссылки

1. Головина Л. С. Особенности языка художественной прозы М. Еськова // Материнский язык в прозе Михаила Еськова : Эссе, научные статьи, фрагменты диссертации / Составитель А. Т. Хроленко. Курск : Издательский дом «Славянка», 2016.

2. Еськов М. Н. Свет в окошке. Повести. Рассказы. Новеллы. Миниатюры. Курск : ОАО «ИПП», 2005.

3. Еськов М. Н. Воспоминания о Евгении Носове // Москва. 2005. № 1. С. 170–171.

4. Еськов М. Н. Храм Евгения Носова. Курск : ООО «Издательский дом «Славянка», 2015.

5. Климас И. С. «...Был современным Бояном»: фольклорные элементы в «Усвятских шлемоносцах» Е. И. Носова // Курское слово. Курск : Изд. Курск. гос. ун-та, 2004. Вып. 1. С. 41–54.

6. Книга о мастере. Холмы и берега Евгения Носова : очерки творчества / сост., подгот. текстов, общ. ред. Е. Спасской. Курск : Крона, 1998.

7. Носов Е. И. Малая родина // Толока. № 42 : Специальный выпуск, посвященный 80-летию со дня рождения Евгения Носова. Курск : Славянка, 2003. С. 16–17.

8. Носов Е. И. Собр. соч. : в 5 т. М. : Русский путь, 2005.

9. Прозоров А. Вес мудрого слова // Курская правда. 1990. № 26. С. 3.

10. Филиппов Ю. Л. Курское пространство в творчестве Е. Носова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2013. № 1. С. 2–7.